

Нимфа-революционерка

Биография великой танцовщицы Айседоры Дункан. Почти без Есенина

Морис Левер. Айседора Дункан: роман одной жизни / Пер. с фр. О.Чеховича. – М.: Молодая гвардия, 2006, 294 с. (ЖЗЛ).

Елена Семенова

«Искусство?.. Да знаете ли вы, о чем говорите?.. Искусство – это прежде всего ритм природы, движение волн, ветра, облаков, цветов, всего, что живет вокруг нас, до

комится много позже, она бы не нашла себе в нем места. Ее призвание (и она знала это с малых лет) было иным. Совершить революцию. Создать непохожую на другие школу танца, которая не коржила бы тело, подобно балетному станку. Никаких заученных фуэте и па. Вместо пачки – туника (сквозь нее видны прелестные контуры), вместо балетных тапочек – босые ступни. Музыка – Шопен, Бетховен, Мендельсон, Вагнер...

Перед нами биография великой танцовщицы в исполнении французского автора Мориса Левера, которая, как подмечают издатели, не является скрупулезным и доскональным исследованием жизни Айседоры. В общем-то, не очень-то и хотелось. Вот, пожалуйста, встреча с рафинированным интеллектуалом – отцом танцовщицы Чарльзом Дунканом, которого та совсем не знала, или домашние вечера в кругу семьи, где мать играет на пианино Моцарта и Шуберта, брат Августин декламирует «Гамлета», а Раймонд бубнит на древнегреческом «Илиаду». Или, еще того хлеще, вся творческая семейка, собрав последние гроши, приезжает в Лондон на грузовом корабле, перевозящем скот. Там, не имея еды и жилья, упивается Британским му-

ним библиографическим силуэтам – лишь живая и страстная натура. Вот графиня де Грэффуль – прототип герцогини Германтской Марселя Пруста. Она пригласила Айседору танцевать в своем дворце перед высокомерной знатью. Вот влюбленный в танцовщицу мистически-одухотворенный Генрих Тодэ и старик Огюст Роден, возжелавший юную сильфиду во время танца. Наконец, швейный магнат Парис Зингер, бросающий к ногам Айседоры замки и капиталы.

Окуная нас в культурную эпоху рубежа XIX и XX веков, писатель объемно и сочно смелыми мазками дает картину восхождения, триумфа и трагичного увядания скандальной нимфы и пламенной революционерки. Левер подчеркивает искренность и в то же время противоречивость природы Айседоры, которая, бунтуя против рабства, тут же проматывает тысячи долларов на роскошь.

Почти пророчеством стали слова французского драматурга Викторьена Сарду: «Я восхищаюсь вами и одновременно жалею вас, ибо вы бросаете вызов богам. Опасайтесь их мести. В самых сладких плодах славы прячется коварный яд». Один ее ребенок задохнулся во время родов, двое детей погибли в автокатастрофе... Впрочем, десятилетняя разлука с матерью сделала их чужими. А влюбленные мужчины один за другим уходили.

Кульминационный момент для русского читателя – сцены встреч Айседоры и Сергея Есенина в описании Левера выглядят весьма неоднозначно. Местами это прямотаки грубоватый лубок, смакующий контрастные и пошловатые моменты. Приходит на ум пресловутая «развесистая клюква». Думается, для Мориса Левера Сергей Есенин по большей части не великий поэт, а очередная любовь постаревшей, грузной и оплывшей женщины. В воспоминаниях Анатолия Мариенгофа и других писателей Серебряного века эта тема освещена гораздо шире, острее и проникновенней. Возможно, оттого, что Есенина знают за рубежом так же, как, собственно, мы Айседору. Что ж, еще одна увлекательная биография поможет восполнить этот пробел.

Такой Айседору увидел художник А.Андерсен. Не правда ли, хороша?

Иллюстрация из книги

Для Мориса Левера Есенин по большей части не великий поэт, а очередная любовь постаревшей, грузной и оплывшей женщины

мельчайших частиц материи... Танец, Дейли, это Дионис! Аполлон! Это Пан! Вах! Афродита! Вы слышите меня, Дейли... А-фро-ди-та!» – такие слова бросала юная и пылкая Айседора Дункан сухому делегату – владельцу нью-йоркского театра Августину Дейли, у которого она долгое время подвизалась как актриса. Однако, даже если бы это был великий театр, вроде школы Станиславского, с которым она позна-

зем, Гайд-парком и Национальной галереей: «Пока Раймонд делает бесчисленные зарисовки, Айседора начинает танцевать прямо в зале музея. Ее танец напоминает медитацию, он совершается вне времени, вне ее самой, в полном забвении того, что ее окружает...»

Любое событие жизни Левера кладет на ладонь, как алмаз, и вертит, позволяя читателю насладиться игрой его граней. Нет двухмер-